

В столовой витал неистребимый аромат еды. Сквозь гомон голосов прорывался аппетитный треск раскаленного масла — повара жарили что-то на огромных сковородах, и этот звук, долетавший даже через несколько рядов столов, невольно заставлял прислушиваться.

Очередь за жареным фо, который присмотрел себе Ли Жун, оказалась внушительной. Сквозь нестройные ряды учеников виднелись смуглые, жилистые руки повара: он уверенно орудовал тяжелым, лоснящимся от масла воком, то и дело подбрасывая содержимое. Под дном сковороды с сухим шипением плясали искры.

Юноша попросил это блюдо скорее из мимолетного каприза, привлеченный именно этим живым кухонным действием, напоминавшим маленькое огненное шоу. Но увидев, что повар работает в одиночку, он вдруг почувствовал уколы совести. Ждать, судя по всему, предстояло долго, а Цэнь Сяо, скорее всего, крайне редко стоял в очередях.

Староста перевел взгляд на лицо собеседника, ожидая, что «принц Третьего района» вот-вот скривится и велит сменить заказ на тушёную лапшу с зелёной фасолью из соседнего окна. Та выглядела вполне прилично, да и очереди там почти не было. В конце концов, Ли Жун еще ничего не пробовал в этой столовой, так что ему было решительно всё равно.

Однако Цэнь Сяо лишь мельком окинул взглядом толпу и, ни словом не обмолвившись, направился напрямик к нужному окну.

Цзянь Фу, опершись ладонями о стол, одним прыжком выскочил из-за стула и бросился вдогонку.

— Эй, подожди меня!

Догнав друга, парень по-свойски приобнял его за плечи и зашептал:

— Брат, ты совсем, что ли? Зачем тебе сдалась эта очередь? Пусть бы Линь Цинь постоял, он всё равно спит и видит, как бы Ли Жуну угодить. А нам-то зачем перед кем-то выслуживаться?

Цэнь Сяо повел плечом, сбрасывая руку приятеля, и одарил его тяжелым взглядом.

— Пустяки. Сегодня у меня хорошее настроение.

Цзянь Фу в недоумении вытаращился на него.

— Сегодня? А что сегодня такого? Чему радоваться-то?

Первый учебный день, впереди еще долгая неделя — от одной этой мысли хотелось пойти и утопиться.

— Нужно отдать уведомление учителю Ян, — сухо бросил Цэнь Сяо.

— Чего? — Цзянь Фу сморщился, на его лице застыло полное непонимание. — Она тебе за это приплатила, что ли?

Собеседник не стал ничего объяснять и просто перевел тему:

— Хочешь ароматный котел? Что-то мне захотелось, купи порцию и на меня.

Простодушный Цзянь Фу тут же забыл о своих расспросах.

— Да мне без разницы. Вообще-то я хотел рыбу на гриле, но можно и ароматный котел. Пойду куплю.

Он тут же развернулся и припустил к другому прилавку.

За маленьким квадратным столиком остались только Линь Цинь и Ли Жун. Тот проследил за удаляющимися фигурами и, подавшись вперед, негромко спросил:

— Староста, ты что, раздобыл на брата Сяо какой-то серьезный компромат?

Линь Цинь неплохо умел считывать эмоции, и хотя Ли Жун говорил небрежно, в его взгляде промелькнуло явное, почти азартное желание самому заполучить на Цэнь Сяо хоть какую-нибудь ниточку.

Линь Цинь закивал и указал пальцем на окошко:

— Повара пригласили из популярной лавочки на юге города, которая прославилась в сети. Раньше, когда он работал за пределами школы, очереди были еще длиннее. Чтобы успеть, нам приходилось сбегать с уроков на пять минут раньше. Количество фо на день всегда ограничено.

— Я его никогда не пробовал, — тихо произнес Ли Жун.

«Я никогда не ел в этой столовой и не представлял, сколько времени уходит на приготовление одной порции, поэтому не ожидал, что придется ждать сорок минут»

Но Линь Цинь, похоже, понял его иначе.

На каждом столе стояло по четыре бутылки платного арахисового напитка. Ли Жун лениво прикрыл глаза. Перебирая пальцами прохладное стекло, он провел подушечкой большого пальца по крышке и усмехнулся:

— Какой еще компромат? Это скорее он на меня что-нибудь надывает.

Линь Цинь промолчал.

— Ладно, я тоже пойду возьму чего-нибудь. Если что-то понадобится — сразу говори, — он поднялся, неловко переступил через стул и, сжимая в руке карту, направился к самому дальнему окну.

Первым вернулся Цзянь Фу. Он ловко лавировал между столами, неся поднос, на котором возвышалась миска с дымящимся ароматным котлом. Приземлившись на свое место, он подвинул блюдо ближе к себе и Цэнь Сяо.

Ли Жун с любопытством заглянул в миску. Приятель заказал среднюю степень остроты: сверху лежал слой обжаренного докрасна чили, а на дне аппетитно шкворчали остатки соуса. Выглядело заманчиво. В прошлой жизни Гу Нун строго запрещала ему подобную еду, утверждая, что в этих покупных тефтелях слишком много химии.

Цзянь Фу, сглатывая слюну при виде ароматного пара, не удержался от шпильки в адрес Ли Жуна:

— И угораздило же тебя захотеть именно этот фо. Если бы не ты, мы бы с братом уже вовсю ели.

Юноша подпер подбородок рукой. В животе неприятно сосало от голода, и спорить не было ни сил, ни желания.

— Извиняй, — вяло пробормотал он.

Вскоре подошел и Линь Цинь. Он шел мелкими шажками, едва дыша и стараясь удержать равновесие — бульон в его глиняном горшочке опасно плескался, грозя вылиться через край. Наконец, доставив свой обед от самого входа к столику, он с облегчением выдохнул.

— Фух, чуть в кого-то не врезался.

Цзянь Фу выпрямился и со скрещенными на груди руками презрительно оглядел содержимое горшочка Линь Циня. Креветки, белый тофу, пекинская капуста и нити ширатаки. Всё.

— Какое-то всё бледное и постное, даже смотреть не на что.

Линь Цинь и сам с завистью посматривал на острое блюдо, но, подавив вздох, лишь развел руками:

— Скоро творческие экзамены, мне нужно следить за формой. Никаких лишних калорий.

Цзянь Фу принялся за еду, попутно бросив:

— О как. В кино, значит, собрался?

Мир шоу-бизнеса был для него чем-то далеким, но мысль о том, что его знакомый может стать большой звездой, казалась забавной.

Линь Цинь невольно задрал голову, глядя куда-то в потолок. Плечи его расправились, а лицо осветилось мечтой.

— Я хочу выступать на сцене. Хочу давать концерты. Настоящие, на десятки тысяч зрителей, — воодушевленно заговорил он.

Пальцы Ли Жуна, терзавшие крышку бутылки, замерли. Его губы дрогнули, но он лишь горько усмехнулся про себя.

«Люди время от времени упоминают реальность и всегда при этом содрогаются от ужаса и вздыхают. Мечты юности, которые казались незыблемыми, слишком часто рассыпаются в прах самым нелепым образом»

В этот момент кто-то переключил телеканал в столовой. Боевик о супергероях внезапно прервался, и в эфире возник новостной репортаж.

— В ходе журналистского расследования нам удалось выяснить, что Ли Цинли и Гу Нун ежегодно перечисляли фиксированную сумму в сто тысяч юаней на счет специальной школы «Чжигуан» в городе Г. Деньги предназначались для лечения и реабилитации детей-инвалидов. Мы опросили жителей, проживающих рядом со школой...

Камера сфокусировалась на обычных горожанах — людях с простыми, на первый взгляд добродушными лицами.

— Пожертвования? Раз он столько дарил, значит, наворовал в разы больше. В интернете пишут, они в виллах жили и на роскошных тачках ездили.

— Да не верю я, что такие люди будут просто так деньги отдавать. Наверняка показуха, пиар-ход. Да и не жертвовали они, небось, ничего. С чего бы им вдруг?

— А почему он каждый год в одно и то же время деньги слал? Вам не кажется это странным? Может, это отмывание денег какое-нибудь?

— Плохие дела замаливали, грехи искупали. Богачи все в это верят. Уж лучше пусть детям отдают, чем сами всё прожрут.

— Я считаю, ученые не должны бизнес открывать. Зачем им компании? Живут на виллах, шикают... Ученый должен быть ближе к народу.

— Ли Цинли? Да кто это такой? Я новости не смотрю, мне всё равно. Мне ребенка из школы забирать пора.

Голос диктора разносился по всей столовой, его отчетливо слышали как минимум за десятком ближайших столиков. Ли Жун находился в самом центре этой зоны.

Стоило прозвучать имени Ли Цинли, как Цзянь Фу и Линь Цинь замолчали. Они и десятки других учеников за соседними столами почти синхронно повернулись к старосте. Движение было единым, но в глазах каждого читалось свое. У Линь Циня — сочувствие, у Цзянь Фу — любопытство, у остальных — жадное возбуждение.

— Смотрите, это же Ли Жун, вон там сидит.

— Только что про его предков говорили. Интересно, каково ему сейчас?

— Надо же, даже по школьному телику это крутят. Я думал, уже все забыли.

— Он плачет? Кто-нибудь видит, он плачет или нет?

Ли Жун, конечно, не плакал.

Он всё так же сидел, подперев голову рукой, с видом ленивым и слегка усталым, продолжая крутить крышку. В прошлой жизни он прослушал сотни подобных репортажей, и теперь они не вызвали в нем того первого, сокрушительного удара. Сейчас его гораздо больше заботил пустой желудок.

В телевизоре репортер собирался продолжить свою обличительную речь, но едва прозвучал первый слог фамилии «Ли», экран внезапно погас. Звук и картинка исчезли в одно мгновение.

Цэнь Сяо закончил пользоваться пультом и, не говоря ни слова, перевел взгляд на тех, кто только что переключил канал. Те бросили есть и испуганно уставились на него, на их лицах застыл неприкрытый страх.

Взгляд Цэнь Сяо потемнел. Он издал короткий презрительный смешок и резким движением швырнул пульт на их стол.

Пульт с гулким стуком ударился о полую поверхность столешницы. Громкий звук заставил людей за соседними столами вздрогнуть. Не обращая внимания на вызванный переполох, Цэнь Сяо подхватил поднос с дымящимся фо и яичным пудингом на пару и вернулся к своему месту.

После его ухода никто не рискнул снова включить телевизор. Ученики молча уткнулись в тарелки, стараясь больше не смотреть в сторону Ли Жуна.

Лишь Линь Цинь тихо негодовал:

— Этот репортер специально всё переиначил! Разве пожертвования — это не доброе дело? Если человек помогает годами, разве это не доказывает его порядочность? А он нашел каких-то простаков и выставил всё как заговор, задурил людям голову.

Цэнь Сяо как раз подошел к столу и поставил перед старостой тарелки.

Яичный пудинг на пару был нежно-желтым, идеально гладким, с россыпью мелко нарезанного зеленого лука сверху. Фо блестел от масла, в нем было в избытке начинки — порция получилась внушительной.

Ли Жун видел, как собеседник выключил телевизор и как швырнул пульт. Он кожей чувствовал исходящее от него раздражение. Тот честно отстоял в очереди сорок минут, чтобы избавить Ли Жуна от лишнего внимания, но всё пошло прахом — юноша снова оказался под прицелом сотен глаз.

Староста прижал руку к животу, в котором всё еще ныло от голода. Посмотрев на фо, он пробормотал:

— Умираю с голоду. — А затем поднял свои персиковые глаза на Цэнь Сяо и с мягкой улыбкой тихо спросил: — Ты ведь тоже проголодался?

Цэнь Сяо явно был не в духе, но, услышав этот тихий, ласковый голос, лишь едва заметно нахмурился и сел напротив:

— Я не голоден.

Линь Цинь, не в силах просто смотреть, как Ли Жун безропотно принимает удары судьбы, возмутился:

— Где логика? По их словам выходит, что помогать — это преступление, а жадничать —

доблесть? Спросил бы я этих умников, пожертвовали ли они сами хоть копейку.

Ли Жун с наслаждением вдыхал аромат жареной лапши, про себя лишь тихо вздыхая.

«Линь Цинь еще слишком молод, его так легко вывести из равновесия. Неудивительно, что позже он так сильно обжегся в борьбе с беспринципными дельцами»

А вот Цзянь Фу отнесся к новости на удивление хладнокровно. Закусив кончик палочки, он на мгновение задумался, а потом пробормотал под нос:

— Где-то я уже видел название этого СМИ... Точно видел. Кажется, когда в Первом районе ошивался. Что же там было написано?

В отличие от Цэнь Сяо, у Цзянь Фу с родителями были вполне гармоничные отношения, и он с детства любил бывать в Первом районе. Раньше, пока он был ребенком, тамошние чины не особо от него таились, и он мог случайно увидеть какие-то документы. А после получения квоты на спецнабор контроль и вовсе ослаб, так что от скуки он читал всякую всячину.

Это название точно попадалось ему на глаза, но раз он не помнил подробностей, значит, владелец этой конторы ему не знаком. Цзянь Фу не стал долго мучиться воспоминаниями и фыркнул:

— Попытка раздуть скандал и вывернуть всё наизнанку видна невооруженным глазом. Прямо из кожи вон лезут, лишь бы смешать Ли Цинли и Гу Нун с грязью и не оставить от них камня на камне.

Цэнь Сяо негромко постучал палочками по столу, обрывая его:

— Ешь.

Ли Жун молча наблюдал за Цэнь Сяо. Он с удивлением осознал, что тот пытается предугадать его чувства.

«Нужно по-настоящему дорожить человеком, чтобы стремиться понять его еще до того, как тот подаст хоть какой-то знак»

Это открытие отозвалось в душе старосты странным теплом, ведь в прошлой жизни такое было попросту невозможно.

Но он действительно не расстроился. Тратить эмоции впустую, когда еще ничего не ясно — непозволительная роскошь. И он не хотел, чтобы Цэнь Сяо лишний раз переживал.

Ли Жун подцепил палочками порцию лапши и, чуть нахмурившись, негромко проворчал:

— Так много... Мне одному не одолеть. Кто поможет?

Спросив, он, не дожидаясь ответа, переложил лапшу в чашку Цэнь Сяо — добрую треть порции, вместе с кусочками кальмара и арахисом.

Цзянь Фу покосился на тарелку друга и тут же пододвинул к нему ароматный котел, ворча:

— Брат же сказал, что не голоден! У нас тут своего полно, сам ешь. Раз не можешь доесть, зачем вообще заказывал столько?

Цэнь Сяо одарил Цзянь Фу ледяным взглядом.

— Теперь я проголодался.

— Так ешь ароматный котел! — не сдавался тот. — Я на двоих брал. В столовой за недоеденное три шкуры спустят, с чего это мы должны ему помогать?

Линь Цинь кашлянул в кулак, пряча улыбку. Ли Жун крепче сжал палочки, сделал глубокий вдох и с лучезарной улыбкой на лице с громким хрустом раскусил жареную арахисину.

<http://bllate.org/book/15351/1420222>